

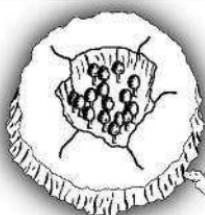
ПЕСНЬ ВЕДЬМЫ

Продолжение следует...

ПОСВЯЩЕНИЕ

Кенту и Элис Аргайл.
Потому что вы любили меня изначально,
беззаветно и всегда.

УБЕЖИЩЕ

ПОСЛЕДНЕЕ МОРЕ

Место высадки Сенны

Карпел

Шиок

Эпал

Зэн

КЛАДБИЩЕ КОРАБЛЕЙ

ТАРТЕН

Ферма Каэна

ИКАРИЙСКИЕ ГОРЫ

Владения Эспен

I. ВЕДЬМОРОЖДЕННАЯ

Сломенные волосы Брусенны казались такими же горячими, как обожженный солнцем камень. Она обливалась потом, который струйкой стекал вдоль позвоночника, отчего ткань ее простенького платья прилипала к телу. Все инстинкты кричали Брусенне о том, что нужно бежать прочь от взглядов, жалящих, подобно разъяренным осам. Ее вылазка на рынок и так уже слишком затянулась.

Торговец закончил заворачивать катушки ниток в хрустящую бурую бумагу.

— Двенадцать упице, — мрачно произнес Боммер.

Нелепая цена, несомненно, сильно завышенная из-за засухи. Кто-нибудь другой на месте Брусенны смог бы сбить эту цену вдвое. Но с нее и так было довольно подозрений со стороны жителей деревни. Она опустила монеты в ладонь торговца, который старательно избегал даже мимолетного касания ее пальцев, и деньги почти утонули в складках этой пухлой руки. Брусенна задумалась, какие же чудесные блюда он ел, чтобы нарастить столь обильную плоть. Наверное, что-то вроде тех медовых кексов,

запах которых задерживался в складках ее одежды долгое время после того, как она покидала рыночную площадь.

Пока Боммер, бормоча, пересчитывал монеты, Брусенна крепко прижала покупки к груди и поспешила прочь. Но не сделала она и пяти шагов, как на плечо ей опустилась тяжелая рука. Страх обжег ее, словно она вдруг оказалась в зарослях крапивы. Здесь никто и никогда не прикасался к ней.

Вздрогнув, она повернула голову и увидела нависшего над ней торговца.

— Пытаясь обмануть меня, колдунья?

На столь близком расстоянии запах застарелого пота от его тела оглушал. Брусенна подавила рвотный позыв. Разум ее неистово пытался понять, что происходит. Она пересчитывала деньги дважды!

— Я заплатила вам двенадцать, — сумела выдать она.

Боммер рывком развернул ее, схватив за второе плечо и приблизив лицо почти вплотную. Она съежилась, когда его толстое пузо прижалось к ее телу. Где-то взвизгнул ребенок.

— Ты думаешь, я считать не умею?

Брусенна пыталась ответить, но язык словно онемел. Ей следовало быть осторожнее. Надо было остаться до тех пор, пока он не закончит считать ее монеты, — но ей так хотелось поскорее сбежать! Он встряхнул ее, его грязные ногти впивались ей в кожу. Покупки выпали из рук девушки и рассыпались по земле.

Часто дыша и отпрянув так далеко, как позволяла хватка Боммера, она извивалась, отчаянно пытаясь освободиться.

— Пожалуйста, — взмолилась она, обретя, наконец, способность говорить, — отпустите меня!

Он засмеялся, его глаза сверкали от удовольствия.

— Нет уж, это вряд ли. Не в этот раз. Ты знаешь, какое наказание следует за кражу?

Колодки. Брусенна с трудом сглотнула. Целый день простоять, скорчившись, в то время как вся деревня будет дразнить ее. Кидать гнилые овощи. И кое-что похуже. В поисках спасения она окинула взглядом толпу, уже собравшуюся вокруг них. На каждом лице явственно читалось удовлетворение. Неожиданно Брусенна ощутила злость на мать за то, что та позволила ей столкнуться с этим в одиночку. За то, что та отказалась пойти в поселение, потому что кто-то мог ее узнать.

— Я ничего не крала, — прошептала она, уже понимая, что никто не станет слушать.

— Ты называешь меня лжецом? — Табачный плевок расплылся по щеке Брусенны. Затем Боммер с силой ударил ее по лицу. В глазах полыхнуло белым, потом черным с яркими искрами, потом красным. Во рту ощущался привкус крови, глаза горели от слез. Девушка стиснула зубы, чтобы не зарыдать от боли и отчаяния.

Боммер почти волоком оттащил ее к центру площади, где стояли два тонких деревянных бруса, соединенных стержнями. Три отверстия — одно для шеи, два для запястий. Основание колодок было заляпано остатками гнилых овощей, навозом и испещрено следами от ударов камней.

При виде колодок Брусенна начала вырываться и сопротивляться еще отчаяннее.

Ухватив ее за загривок, Боммер втиснул ее шею в центральное, самое большое отверстие. Девушка пыталась освободиться, но лавочник надавил еще сильнее. Край бруса впился ей в горло так, что она не смогла дышать.

— Отпусти девочку, иначе распрошаешься со своими мозгами, приятель, — произнес женский голос, мягкий и повелительный одновременно.

Брусенна почувствовала, как Боммер застыл, все еще сжимая ее шею. Она чуть-чуть вывернулась из его хватки, чтобы посмотреть, кто это говорит. Перед ними верхом на вороной лошади сидела женщина, пристально глядя на торговца сверху вниз — и наводя на него дуло дорогоого с виду мушкета. Поднялся ветер, блестящие волосы женщины колыхнулись, словно спелая пшеница на поле. Ее кобальтово-синие глаза встретились с золотистыми глазами Брусенны. Девушка едва не ахнула. Она надеялась на помощь, но и представить не могла, что эта помощь придет со стороны кого-то столь богатого и могущественного.

— Что ты сказала? — спросил Боммер у незнакомки.

Женщина взвела курок.

— Ты слышал, что я сказала.

Он ничего не ответил, но Брусенна чувствовала, как он дернулся. Никто не спешил поддержать его, и лавочник глухо заворчал. Потом еще раз с силой надавил на затылок Брусенны — и отпустил ее. Девушка рухнула на колени, держась за горло и неудержимо кашляя.

Когда перед ее глазами перестали плясать красивые круги, она подняла взгляд. Женщина смотрела

на нее, в ее глазах пылала ярость. Затем незнакомка опустила оружие.

— Там, откуда я приехала, торговцы просят доплатить недостающую сумму, прежде чем обвинять своих покупателей в краже. Особенно детей.

«Детей?» Брусенна, ощетинившись, поднялась на ноги. Ей уже почти исполнилось пятнадцать! Затем она краем глаза заметила, что через толпу проталкивается шериф Томак. Все дерзкие мысли мгновенно вылетели у нее из головы. Она попыталась ускользнуть прочь, но толпа стояла плотно, непреодолимой стеной. Чьи-то руки грубо отпихнули ее обратно к Боммеру.

Брусенна содрогнулась, когда его рука снова опустилась на плечо.

— Шериф, эта девчонка обокрала меня, а эта... — Он сплюнул, словно пытаясь избавиться от дурного привкуса во рту. — ...Эта женщина вмешивается.

— Я уже слышал это, Боммер. — Шериф Томак разглядывал Брусенну с непроницаемым выражением лица. — Ты хочешь доставить людям неприятности, девочка?

Ковыряя утрамбованную землю пальцем ноги, она решительно помотала головой.

Он проворчал:

— Тогда отдай Боммеру его упице — иначе проведешь день в колодках.

Гнев вспыхнул в груди Брусенны — и тут же угас, словно свеча на ураганном ветру. Не имело никакого значения, что она уже отдала Боммеру двенадцать упице. Не имело значения, что он лгал. Она не могла этого доказать, а ее слово ничего не

значило для деревенских. Порывшись в кошельке, она достала упице и протянула его Боммеру.

Лавочник медленно покачал головой.

— Мне не нужны ее деньги. Я хочу, чтобы ее забили в колодки.

Рука Брусенны невольно взметнулась к ее покрытому синяками горлу.

— Почему? — спросил шериф Томак.

Боммер фыркнул:

— Ты знаешь почему.

— У тебя есть доказательства?

Боммер сплюнул в пыль.

— Никому из нас не нужны доказательства. Мы все знаем, кто она такая.

Никто не произнес это слово вслух, но оно эхом прозвучало в голове Брусенны. *Ведьма*.

— Эта девушка когда-либо прежде воровала у тебя что-нибудь? — настороженно спросил шериф Томак. Боммер сделал глубокий вдох.

— Это мне выбирать, как ее накажут.

Раздался щелчок — женщина на лошади отпустила курок, не выстрелив. Затем, спешившись, она шагнула вперед. Толпа расступилась — отчасти в страхе, отчасти в благоговении. Незнакомка метнула горсть монет в грудь Боммеру. Блестящие серебряные кружочки отскочили и рассыпались по земле. Глаза Брусенны широко раскрылись от недоверия. Женщина бросила в лавочника отнюдь не несколько затертых упице — это были настоящие серебряки.

Незнакомка, прекрасная и грозная, расправила плечи.

— Подбери деньги, торговец. Если ты еще хоть раз доставишь этой девочке неприятности, я сделаю

так, чтобы никто и никогда у тебя больше ничего не купил.

Боммер сплюнул струю табачной жижи в опасной близости от ног женщины.

— Кто ты такая, чтобы угрожать?

Она улыбнулась, едва заметно показав зубы.

— Хочешь это узнать?

Боммер свирепо выпятил челюсть и подвигал ею из стороны в сторону. Наконец его сердитый взгляд смешился на Брусенну.

— Ты этого не стоишь, колдунья.

Он сгреб с земли деньги и затопал обратно в свою лавку.

Ненависть переполняла Брусенну. Она ненавидала Боммера за то, что ложь позволила ему беспричинно унижать и наказывать ее — за то, что эта ложь принесла ему в десять раз больше денег, чем ему причиталось. Она ненавидела толпу за то, что та ненавидела ее. И все же могло быть гораздо хуже. Ее могли все-таки посадить в колодки. Мрачное облегчение омывало душу Брусенны, усмиряя ее ярость. Уже давным-давно нужно было вернуться домой. Она попыталась скрыться в толпе, но странная женщина железной хваткой вцепилась в ворот ее пальца. Не решаясь сопротивляться, девушка подавила стон. «Только не снова!» — мысленно взмолилась она.

Шериф Томак чуть заметно кивнул женщине, прежде чем уйти прочь.

Брусенна окинула рыночную площадь горестным взглядом. Толпа неохотно, с ворчанием, расходилась, но люди продолжали с подозрением и ненавистью поглядывать в сторону девушки. Их